

Кавказский пленник — эпизод 8 из 10

Костылин так и упал со страху. А Жилин смеется, говорит:
Это олень. Слышишь как рогами лес ломит? Мы его боимся, а он нас боится.
Пошли дальше. Уж высожары спускаться стали, до утра недалеко. А туда ли идут, нет ли, не знают. Думается так Жилину, что по этой самой дороге его везли и что до своих верст десять еще будет; а приметы верной нет, да и ночь не разберешь. Вышли на полянку. Костылин сел и говорит:
Как хочешь, а я не дойду, у меня ноги не идут.
Стал его Жилин уговаривать.
Нет, говорит, не дойду, не могу. Рассердился Жилин, плюнул, обругал его.
Так я же один уйду, прощай!
Костылин вскочил, пошел. Прошли они версты четыре. Туман в лесу еще гуще сел, ничего не видать перед собой, и звезды уж чуть видны.
Вдруг слышат, впереди топает лошадь. Слышно подковами за камни цепляется. Лег Жилин на брюхо, стал по земле слушать.
Так и есть, сюда, к нам конный едет.
Сбежали они с дороги, сели в кусты и ждут. Жилин подполз к дороге, смотрит верховой татарин едет, корову гонит, сам себе под нос мурлычет что-то.
Проехал татарин. Жилин вернулся к Костылину.
Ну, пронес бог, вставай, пойдем.
Стал Костылин вставать и упал.
Не могу, ей-богу, не могу; сил моих нет.
Мужчина грузный, пухлый, запотел; да как обхватило его в лесу туманом холодным, да ноги ободраны, он и рассолодел. Стал его Жилин силой поднимать. Как закричит Костылин:
Ой, больно!
Жилин так и обмер.
Что кричишь? Ведь татарин близко услышит. А сам думает: Он и вправду расслаб; что мне с ним делать? Бросить товарища не годится.
Ну, говорит, вставай, садись на закорки, снесу, коли уж идти не можешь.
Подсадил на себя Костылина, подхватил руками под ляжки, вышел на дорогу, поволок.
Только, говорит, не дави ты меня руками за глотку, ради Христа. За плечи держись.
Тяжело Жилину, ноги тоже в крови и уморился. Нагнется, подправит, подкинет, чтоб повыше сидел на нем Костылин, тащит его по дороге.

Видно, услышал татарин, как Костылин закричал. Слышит Жилин, едет кто-то сзади, кличет по-своему. Бросился Жилин в кусты. Татарин выхватил ружье, выпалил, не попал, завизжал по-своему и поскакал прочь по дороге.

Ну, говорит Жилин, пропали, брат! Он, собака, сейчас соберет татар за нами в погоню. Коли не уйдем версты три, пропали. А сам думает на Костылина: И чорт меня дернул колоду эту с собой брать. Один я бы давно ушел.

Костылин говорит: Иди один, за что тебе из-за меня пропадать.

Нет, не пойду, не годится товарища бросать.

Подхватил опять на плечи, попер. Прошел он так с вёрсту. Всё лес идет и не видать выхода. А туман уж расходиться стал, и как будто тучки заходить стали, не видать уж звезд. Измучился Жилин.

Пришел у дороги родничек, камнем обделан. Остановился, ссадил Костылина.

Дай, говорит, отдохну, напьюсь. Лепешек поедим. Должно быть, недалеко.

Только прилег он пить, слышит затопало сзади. Опять кинулись вправо, в кусты, под кручь, и легли.

Слышат голоса татарские; остановились татары на том самом месте, где они с дороги свернули. Поговорили, потом зауськали, как собак притравляют.

Слышат трещит что-то по кустам, прямо к ним собака чужая чья-то.

Остановилась, забрехала.

Лезут и татары тоже чужие; схватили их, посвязали, посадили на лошадей, повезли.

Проехали версты три, встречает их Абдул хозяин с двумя татарами. Поговорил что-то с татарами, пересадили на своих лошадей, повезли назад в аул.

Абдул уж не смеется и ни слова не говорит с ними.

Привезли на рассвете в аул, посадили на улице. Сбежались ребята. Камнями, плетками бьют их, визжат.

Собрались татары в кружок, и старик из-под горы пришел. Стали говорить.

Слышит Жилин, что судят про них, что с ними делать. Одни говорят: надо их дальше в горы услать, а старик говорит: надо убить. Абдул спорит, говорит: я за них деньги отдал, я за них выкуп возьму. А старик говорит: ничего они не заплатят, только беды наделают. И грех русских кормить. Убить, и кончено.

Разошлись. Подошел хозяин к Жилину, стал ему говорить:

Если, говорит, мне не пришлют за вас выкуп, я через две недели вас запорю. А если затеешь опять бежать, я тебя как собаку убью. Пиши письмо, хорошенько пиши!

Принесли им бумаги, написали они письма. Набили на них колодки, отвели за мечеть. Там яма была аршин пяти, и спустили их в эту яму.